

Лавровский Леонид
(небеса)

29.07.05

Ни жив ни мертв

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 29 июня. - с. 13

В Большом справили 100-летие Леонида Лавровского

гала-концерт балет

В честь 100-летнего юбилея Леонида Лавровского труппа Большого показала дайджест из его балетов. ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА убедилась, что наследие хореографа находится на грани исчезновения.

Чтобы почтить память своего экс-худрука (Леонид Лавровский возглавлял труппу Большого с 1944 по 1964 год), Большой театр сделал все что мог: в цейтноте перед закрытием на ремонт вспомнил изрядный фрагмент первого акта его лучшего спектакля «Ромео и Джульетта», возобновил многолюдную танцевальную сцену «Вальпургиева ночь» из «Фауста» Гуно и адажио из балета «Паганини» — все эти спектакли в репертуаре Большого не идут. Московская академия хореографии присоединилась к чествованию с первой частью «Классической симфонии» — Леонид Лавровский поставил ее специально для училища, которое возглавил после увольнения из театра. Этот одноактный балет стал реквиемом автора: хореограф умер в 1967 году во время парижских гастролей школы — последний опус своего руководителя ребята танцевали в день его смерти.

Срежиссировал вечер сын юбиляра народный артист СССР и репетитор Большого Михаил Лавровский — как раз в этот день он официально вступил в должность худрука Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Режиссура оказалась тактичной — сохранившиеся кадры кинохроники (лондонский триумф «Ромео и Джульетты», отеческие репетиции в театре) воздавали должное юбиляру лучше всякой говорильни.

Переполненный зал концерт принимал с восторгом и ностальгией: публика разражалась овацией всякий раз, как на экране появлялся портрет юбиляра. Чувства зрителей понять можно: фрагменты из произведений стогла драмбалета со всей очевидностью доказывали, что, вопреки утверждениям балетоведов-шестидесятников, в ту эпоху умели ставить не только спектакли, но и танцы. И вся акробатика лидера поколения 60-х Юрия Григорovichа — детский лепет по сравнению с сумасшедшими поддержками какой-нибудь «Вальпургиевой ночи». Беда только в том, что за 30 лет забвения балетов Леонида Лавровского артисты Большого разучились их танцевать.

Эта хореография требует не только драматургической осмысленности всех жестов и па (что для растерявших актерскую культуру современников уже большое препятствие), но тем-

В честь 100-летия Леонида Лавровского Светлана Лункина и Сергей Филин реанимировали его веронских любовников ФОТО ДАМИРА ЮСУПОВА/БОЛЬШОЙ ТЕАТР

пов и техники, которыми нынешние артисты не владеют. В той же «Вальпургиевой ночи» главные партии даже разделили между несколькими исполнителями. Не помогло — долговязый и корявый Ринат Арифулин пропрыгал жалкую пародию на вариацию Вакха. Марк Перетоккин, взявший на себя труднейшее адажио, был озабочен только тем, как бы не уронить партнершу — тут не до сладострастия. Да и его вакханку (Елена Андриенко) трудно обвинить в соблазнительности: женщина еле успевала проворачивать туры и обмирала от страха на верхних поддержках. Прима Мария Александрова, которой доверили вариацию, исполнила ее на удивление топорно, не обнаружив ни легкости ног, ни лихости вращений, ни остроты *gonde*, ни хотя бы женского кокетства. И лишь неистовый японец Мори-

хиро Ивата в роли Пана напомнил, что на сцене изображается крайняя степень разгула, допустимая в сталинские времена.

С «Ромео и Джульеттой» получилось куда лучше. Великолепие одежды и декораций, мощь музыки Прокофьева, железная логика режиссуры помогли скрыть простецкие манеры нынешних артистов (особенно артисток) и их неумение носить исторические костюмы. Могучий седовласый артист миманса Владимир Гончаров в роли Капулетти вынес на своих плечах идеологический груз знаменитого «Танца рыцарей». Но главной причиной успеха стала удивительная Джульетта Светланы Лункиной. Эта балерина обладает уникальной сценической органикой, забытой в сегодняшнем балетном театре: она танцует так, словно ее движения рождаются сами по себе и прямо сейчас. В полном соот-

ветствии с законами хореодрамы ее Джульетта исполняет все эти арабески, пируэты и поддержки только потому, что влюбилась — неожиданно, отчаянно и самозабвенно. Впрочем, Ромео оказался достойным такой страсти: Сергей Филин, танцевавший впервые после травмы и связанного с ней долгого перерыва, явно соскучился по сцене.

Перед началом гала Михаил Лавровский заранее поблагодарил зрителей многозначительной фразой: «Раз вы здесь, значит, русское национальное искусство еще не погребло». Народный артист СССР известен своим активным неприятием западной хореографии. Однако наследие его отца похоронили как раз в славную эпоху застоя, когда никакой Запад отечественной хореографии не грозил, в конце 80-х стараниями Юрия Григорovichа со сцены Большого

исчез и последний шедевр Леонида Лавровского «Ромео и Джульетта». К жизни его вернули как раз «прозападные» 90-е — возобновление исторического спектакля стало лучшим поступком Владимира Васильева на посту худрука Большого. С его уходом из театра с афиши исчез и великий балет: слишком много усилий требуется для поддержания жизни этого многофигурного актерского действия. Конечно, стоило бы почтить память Леонида Лавровского не одноразовым гала, а включением в репертуар его лучшего балета. Но перед закрытием Большого это пожелание — чистая риторика: Новая сцена не вместит ни циклопических декораций Петра Вильямса, ни многолюдную веронскую толпу. Так что нерукотворного памятника хореографу Лавровскому, видимо, все-таки не дождется.